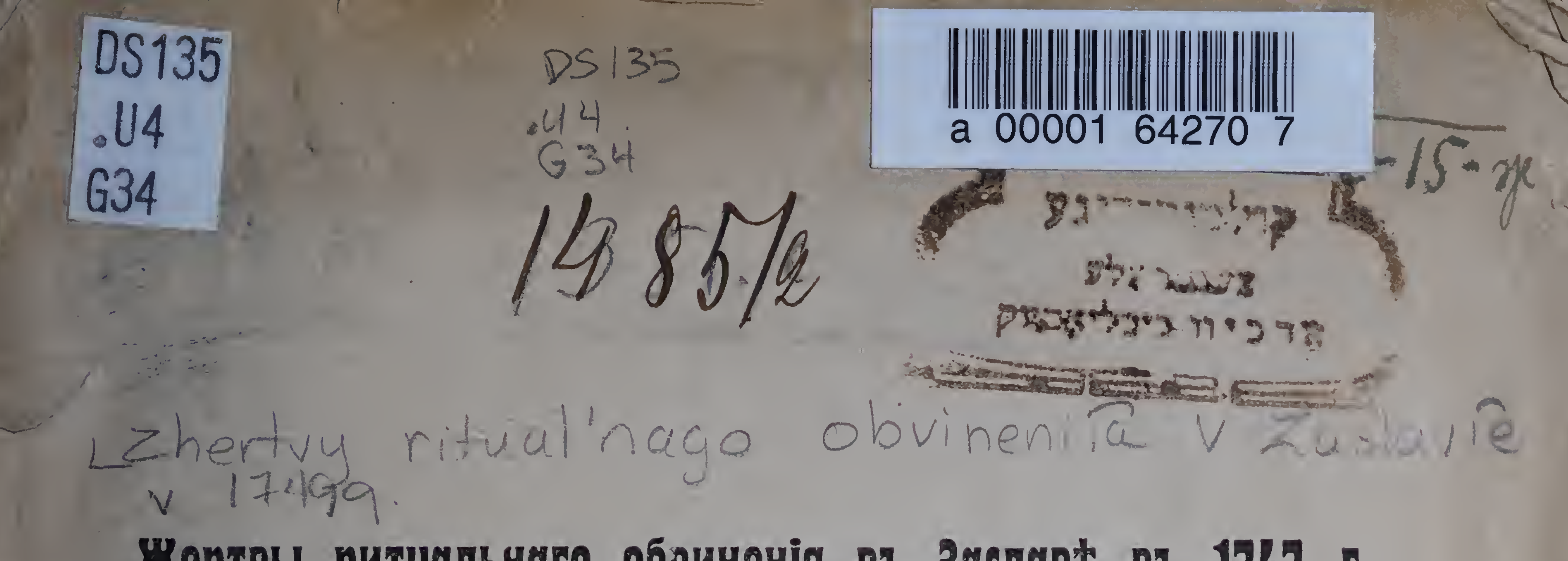


Жертвы ритуальнаго обвиненія въ Заславѣ въ 1747 г.

(по актамъ Кіевскаго Центральнаго Архива).

Середина XVIII вѣка ознаменовалась въ исторіи польскихъ евреевъ особеннымъ изобиліемъ ритуальныхъ процессовъ, кончавшихся въ большинствѣ случаевъ жестокими казнями. О трехъ процессахъ того времени было уже разсказано на страницахъ „Еврейской Старины" ¹). Едва ли не самымъ жестокимъ въ этой серіи ритуальныхъ дѣлъ было Заславское дѣло 1747 г., о которомъ до сихъ поръ имѣлись только смутныя свѣдѣнія. Объ этомъ дѣлѣ впервые упоминаетъ кардиналъ Ганганелли въ своей запискѣ, составленной въ 1758 г. по порученію папы Бенедикта XIV, которому польскіе евреи жаловались на преслѣдованія со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей. Ганганелли говоритъ о рядѣ ритуальныхъ процессовъ „въ Заславѣ, Шепетовкѣ, Павлицѣ (Паволочь), Ямполѣ и Острѣ". Историкъ Цунцъ („Die synagogale Poesie des Mittelalters", стр. 354) упоминаетъ о ритуальномъ дѣлѣ въ Заславѣ въ 1743 г. жертвой котораго палъ одинъ еврей. А. Берлинеръ, переведшій записку Ганганелли на нѣмецкій языкъ (Gutachten Gangenellis in Angelegenheit der Blutbeschuldigung der Juden, 1888 г., стр. 43), отождествляетъ отмѣченное тамъ Заславское дѣло съ упоминаемымъ у Цунца подъ 1743 годомъ. Такого же мнѣнія держится и И. Лэбъ, издавшій итальянскій оригиналъ записки Ганганелли. М. Штернъ, вторично издавшій ту же записку въ оригиналѣ съ нѣмецкимъ переводомъ (Die päpstlichen Bullen über die Blutbeschuldigung, München, 1900, стр. 78, пр. 5), полагаетъ, что Ганганелли заимствовалъ свои свѣдѣнія о польскихъ ритуальныхъ процессахъ изъ прошенія, поданнаго еврейскимъ делегатомъ Яковомъ Селекомъ (или Іелекомъ) папѣ Бенедикту XIV. (Копія прошенія хранится въ архивѣ еврейской общины въ Веронѣ). Въ этомъ прошеніи Заславское дѣло отнесено къ 1749 году. Ошибочность обѣихъ этихъ датъ (1743 и 1749) свидѣтельствуетъ, что оба источника не имѣли передъ собою подлиннаго акта о Заславскомъ процессѣ, гдѣ ясно указана дата—1747 годъ.

Впервые и точная дата происшествія, и нѣкоторыя его подробности стали извѣстны 20 лѣтъ назадъ изъ еврейскихъ источниковъ. Въ 1892 г. въ газетѣ „Hameliz" (№№ 195—198) была напечатана статья І. Канторщика, содержащая народныя преданія о „Заславскихъ мученикахъ", копіи надписей на ихъ надгробныхъ памятникахъ и

---

¹) „Ритуальный процессъ въ Дунайгородѣ въ 1748 г. (Евр. Стар. 1911 г., стр. 268—285); „Ступницкій и Войславицкій процессы 1759—1760 г.". (Евр. Стар. 1912 г., стр. 26—37).

текстъ заупокойной молитвы, когда-то читавшейся въ ихъ память въ Заславской синагогѣ. Но матеріалъ этого рода, при всей его цѣнности, можетъ имѣть значеніе только въ связи съ оффиціальными судебными актами, которые до настоящаго времени таились въ польскихъ архивахъ.

Нынѣ намъ удалось найти и эти акты. Подлинникъ дѣлопроизводства по Заславскому процессу хранится въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ при мѣстномъ университетѣ (Кременец. кн. № 1970, ак. 34 л. 34 сл.). Въ сухихъ протоколахъ здѣсь выступаетъ передъ нами одинъ изъ наиболѣе кошмарныхъ ритуальныхъ процессовъ XVIII вѣка. Мы воспроизводимъ эти акты здѣсь въ переводѣ съ польскаго, стараясь точно передать ихъ содержаніе, насколько это возможно при дефектности многихъ мѣстъ польскаго текста въ имѣвшейся передъ нами копіи.

„Происходило сіе въ городѣ Заславѣ, во владѣніяхъ Его Сіятельства Князя по имени Павла, на Бѣломъ Ковкѣ, Смолянахъ, Раковѣ и Любартовѣ, Любартовича Сангушка, Главнаго Маршалка Великаго Княжества Литовскаго, Старосты Кременецкаго и Черкасскаго. Лѣта отъ Рождества Христова 1747, дня 17 апрѣля.

По требованію обвинителя судовъ Кременецкой Магдебургіи и его помощника, областное правленіе Магдебургіи Его Кн. Выс. прибыло и изъ г. Кременца въ г. Заславъ, на время засѣданій суда вышеупомянутаго Князя и старосты, для разбора дѣла о нѣсколькихъ невѣрныхъ евреяхъ, обвиняемыхъ въ пролитіи христіанской крови. Ради полученія крови для пасхальнаго хлѣба жестоко замученъ былъ христіанинъ, причемъ ножемъ и еще нарочито приготовленнымъ орудіемъ были порѣзаны и исколоты его пальцы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ осмотръ трупа, произведенный дня 29 марта 1747 г. въ присутствіи какъ людей сосѣднихъ общинъ, такъ и мѣстныхъ заславскихъ жителей, особенно же пастуховъ, нашедшихъ тѣло въ лозахъ и вызванныхъ въ правленіе для опознанія покойнаго. Обиходныя имена и прозвища ихъ показываютъ, что это сыновья достойныхъ и заслуживающихъ довѣрія хозяевъ. Одинъ изъ нихъ, Панко сынъ Сакравца, и другой—сынъ Іоахима Кепейчука показали, что они нашли тѣло замученнаго человѣка за Захалихскимъ Бродомъ въ лозахъ, втоптанное въ болото и прикрытое кучами мусора; тотчасъ же они извѣстили объ этомъ лѣсничаго, подстаростича, который призвалъ къ себѣ людей изъ общины, а именно: Василія Бозанчука (Бойченко?), Панаса Василенку, Семена Бондаря, Яська Дзюбу, Ивана Сталюка, Өедьку Воляника, жителя деревни Михнова въ имѣніяхъ вышеупомянутаго сіятельнаго князя, и повелѣлъ имъ привезти тѣло въ Михново. Пріѣхавши, они насилу вытащили изъ болота обнаженный трупъ; глаза и ротъ были завязаны портками, а на шеѣ была надѣта веревка. Посланные отвезли тѣло въ Михново и оставили его въ амбарѣ тамошняго жители Пароха, гдѣ оно и пролежало всю ночь. На слѣдующій день множество народу собралось посмотрѣть убитаго; пришли въ томъ числѣ и четыре еврея, которые стали оглядывать тѣло. Въ то время находился въ толпѣ какой-то поповичъ Ганця,

сказавшій: „ваше это дѣло, жидовское дѣло!“. Стали евреи тому поповичу возражать, и всѣ вмѣстѣ принялись голосить. Вдругъ кровъ невиннаго христіанина хлынула изъ всѣхъ ранъ, и стали всѣ присутствующіе тому дивиться, да и сами евреи воочію то видѣли. Когда тѣло было потомъ перенесено въ Заславскій замокъ, то черезъ генеральнаго Заславскаго вознаго было объявлено во всеуслышаніе, что согласно стародавнимъ обычаямъ будетъ приступлено къ осмотру трупа и къ описи найденныхъ на немъ ранъ.

Перваго дня мѣсяца апрѣля того же года собрались именитые уполномоченные—Заславскій войтъ Янъ Стефановичъ, Филиппъ Пискущенко, Василій Селецкій, Иванъ Гавриленко, Данило Баняченко, Грицько Ковальчукъ, Иванъ Мурашко, Василій Добровольскій и бургомистръ Омелько Дмитренко. Пришли и заславскіе понятые, а именно михновскіе жители Панко Василенко, Василій Бойченко и Семенъ Бондарь, которые не только повторили ранѣе записанныя показанія, но и гласно, по Магдебурскому праву, coram actis ad acta сихъ книгъ показали, что они совмѣстно съ другими приглашенными для сего людьми sub iuramento corporali признали и до сего знали покойника, замученнаго на смерть жестокими истязаніями; что на правой рукѣ трупа отрѣзаны были всѣ пальцы, жилы вытянуты до локтя, а кости перебиты, а на лѣвой рукѣ отрѣзаны три пальца, жилы вытянуты до самыхъ плечъ, кости же сломаны и плечо перебито; на лѣвой ногѣ отрѣзаны три пальца и сорваны ногти съ двухъ остальныхъ; сверхъ того, ступня насквозь пробита, а на икрѣ вырваны жилы до самаго колѣна; на правой ногѣ кожа на икрѣ содрана; всѣ зубы у покойнаго вышиблены. Тѣ же показанія были повторены въ присутствіи бурмистровъ die secunda apr. 1747 an.

Происходило сіе въ Заславѣ, die 12 apr. 1747 an.—Libera confessata—добровольныя показанія нижепоименованныхъ невѣрныхъ евреевъ. Здѣсь подробно описываются упорная, открытая и злая завзятость и неукротимая, проклятая озлобленность нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Невѣрный обвиняемый еврей Зорухъ Лейбовичъ ad 1-mum punctum показалъ, что онъ въ различное время находился въ услуженіи въ разныхъ еврейскихъ домахъ, теперь же онъ уже четвертый годъ служитъ въ Михновѣ и ему слѣдуетъ жалованья за это время 6 червонныхъ злотыхъ...

Невѣрный обвиняемый, еврей Зорухъ Лейбовичъ, мирочникъ (мирошникъ) и надзиратель мельницъ михновскаго арендатора, былъ привезенъ на подводѣ въ сопровожденіи казака изъ Михнова и въ три часа пополудни препровожденъ въ тюрьму при заславскомъ замкѣ. Его допрашивали на разные лады, но онъ ни въ чемъ не хотѣлъ сознаться, такъ что приказано было крѣпко запереть его въ усадьбѣ (?) и старательно охранять. Посидѣвъ въ заключеніи нѣсколько часовъ, обвиняемый невѣрный сталъ звать стоявшаго на стражѣ ключника, по имени Иванъ Ярощукъ, говоря ему: „попроси ко мнѣ пана подстаросту для разговора объ одномъ дѣлѣ“. Ключникъ отправившись къ подстаростѣ, доложилъ о просьбѣ обвиняемаго, послѣ чего подстароста явился къ нему и спросилъ, какое у него дѣло. Обвиняемый же отвѣтилъ: „Зачѣмъ мнѣ подвергать себя мукамъ? Вѣдь все равно придется все разсказать во время католическихъ испытаній (?), такъ ужъ лучше сейчасъ разскажу. Я давно уже мечталъ о счастіи быть католикомъ, только все случая подходящаго не было; а къ тому

же михновскій арендаторъ задолжалъ мнѣ жалованье за три года,— такъ разскажу же все. Какъ истинно то, что есть Богъ на небѣ и что есть Іисусъ, Марія и Іосифъ, такъ истинно, что я разскажу всю правду не страха ради и не по злобѣ или злопамятству,--ибо я не испыталъ обиды отъ тѣхъ евреевъ и даже жилъ съ ними въ большой дружбѣ,—а скажу по совѣсти, что это дѣло рукъ оныхъ евреевъ: прежде всего Хаскелева сына, затѣмъ Хаскелева ключника и, наконецъ, захалихскаго корчмаря, живущаго въ корчмѣ, что надъ бродомъ. А произошло дѣло такъ. На другой недѣлѣ послѣ Гамановыхъ дней, со среды на четвергъ, послалъ меня михновскій арендаторъ съ курицами къ рѣзнику въ Бѣлогрудекъ. На обратномъ пути, въ ту же среду вечеромъ, проѣзжая мимо Захалихской корчмы, я замѣтилъ, что ворота, двери и окна закрыты, а изъ корчмы доносились человѣческіе крики; словъ никакихъ не было слышно. И такъ простоялъ я за стѣной, прислушиваясь около часа, но не могъ догадаться, чьи это крики; раздастся крикъ и умолкнетъ, и такъ повторялось свыше десяти разъ. И охватилъ меня великій страхъ, и я уѣхалъ съ курицами въ Михново. А вернувшись къ арендатору, я не засталъ дома ни сына арендатора, ни его ключника. Я передалъ курицъ хозяину, а самъ отправился на мельницу. Когда же я на разсвѣтѣ пришелъ домой, то засталъ и сына и ключника арендатора, и спросилъ ихъ, гдѣ они были, на что сынъ арендатора отвѣтилъ: „я былъ въ Покощовкѣ и процѣживалъ тамъ панскую водку"; а ключникъ сказалъ: „я былъ въ Бѣлогрудкѣ на молитвѣ". На томъ разговоръ и кончался. А на слѣдующій день пріѣхалъ въ Михново корчмарь изъ Захалихской корчмы, и тогда я спросилъ его: „что это у тебя за крики были въ корчмѣ въ среду"? —на что корчмарь отвѣтилъ: „проѣзжали мимо изъ лѣсу крестьяне изъ Бѣлогрудка, выпили по порціи горѣлки и стали баловаться и кричать". Я не сталъ больше распрашивать, и такъ на томъ и осталось до настоящаго времени.—Когда же тѣло покойнаго было привезено вечеромъ къ михновскому попу(?), то стали сходиться люди подивиться на покойнаго, и тогда же и я вмѣстѣ съ другими видѣлъ убитаго; но въ ту пору не текла кровь изъ его тѣла. Поглядѣвъ, я вернулся къ своей работѣ. А спустя часъ или нѣсколько сынъ арендатора, ключникъ и захалихскій корчмарь отправились посмотрѣть убитаго, говоря: „Пойдемте, посмотримъ, не еврей ли этотъ убитый". Когда же они подошли къ тѣлу замученнаго, то сразу хлынула невинная кровь изъ убитаго,—такъ разсказывали промежъ себя люди изъ общины, и я отъ тѣхъ же людей слышалъ, что кровь текла изъ трупа. И стали въ самую субботу звать евреевъ въ Заславскій замокъ, послѣ чего сейчасъ же на исходѣ субботы арендаторъ, его сынъ и ключникъ уѣхали на всю ночь, но никуда не могли попасть, такъ какъ всю ночь блуждали по полямъ и болотамъ, и на утро вернулись въ Михново; и тогда сынъ арендатора поѣхалъ въ Покощовку, ключникъ—въ Любаръ, а арендаторъ прислалъ за мной мальчика, приказавъ сѣдлать коня. На мой вопросъ, куда мы поѣдемъ, арендаторъ отвѣтилъ: „я поѣду въ Заславъ къ Берку Авросеву и тамъ буду ждать того, что случится; ты же поѣдешь со мною для того, чтобы я гдѣ-нибудь по дорогѣ не попалъ въ воду". Подходя къ коню, арендаторъ отъ волненія и страха упалъ, такъ что пришлось поднять и посадить его на лошадь. Мы поѣхали по дорогѣ, ведущей

въ Мыслятинъ, а когда подъѣхали къ Мыслятину, арендаторъ сказалъ мнѣ: „я поѣду въ городъ къ Берку Авросеву; если нужно будетъ, ты меня тамъ сможешь найти“. Я же вернулся въ Михново.

Происходило сіе въ Заславскомъ замкѣ, дня 19 apr. 1747 anni. Libera confessata, второе добровольное показаніе обвиняемаго невѣрнаго Зоруха Лейбовича, мирочника Михновскаго арендатора, изложенное передо мною, предсѣдателемъ Василіемъ Бойкевичемъ, in praesentia ландвойта Ѳедора Іерусолима, бурмистровъ его Кор. Вел. и княжескаго города—Михаила Юркевича и Яна Павловича, и въ присутствіи: заславскаго войта Яна Стефановскаго и заславскихъ бурмистровъ Филиппа Пискуненки, Василія Ворожбитенки, Ѳедора Закутынскаго и Сергѣя Дурченки. Послѣ неоднократныхъ вопросовъ суда, покажетъ ли онъ verbum de verbo, онъ подтвердилъ сказанное и сообщилъ слѣдующія новыя обстоятельства. Восемью недѣлями раньше онъ былъ въ Головцахъ и, зайдя въ шинокъ тамошняго арендатора, разговорился тайкомъ съ дочерью арендатора о принятіи католической вѣры, причемъ она дала ему на то свое слово. „Къ несчастью, Богъ ниспослалъ на меня это дѣло, но все равно, буду ли жить или нѣтъ, а хочу стать вѣрнымъ католикомъ“. Онъ подтвердилъ свое первое добровольное показаніе, но сталъ молоть языкомъ, и въ томъ судъ ему не повѣрилъ. Въ концѣ онъ добавилъ, что жена арендатора убѣждала его и приказывала: „такъ какъ хозяинъ ушелъ, то бѣги и ты за нимъ“. Онъ же отвѣчалъ: „зачѣмъ мнѣ убѣгать, когда я ни въ чемъ неповиненъ? пусть бѣжитъ тотъ, кто чувствуетъ за собой какую-либо вину“.

Г е р ш о н ъ Х а с к е л е в и ч ъ, сынъ михновскаго арендатора, добровольно показываетъ, что онъ ни въ чемъ виновнымъ себя не признаетъ, что мирочника онъ въ морду не билъ, и ни въ чемъ не сознается; онъ даже самъ проситъ судъ наказать его согласно Магдебургскому праву; католической же вѣры онъ принять не желаетъ. Судъ удовлетворяетъ эту его просьбу.

Л е й б а М о р д х о в и ч ъ, шинкарь михновскаго арендатора, допрошенный, показалъ добровольно, что ни въ чемъ виновнымъ себя не признаетъ, но проситъ для себя уголовнаго правосудія, на что судъ изъявляетъ свое согласіе и не ставитъ ему въ вину и того, что онъ не желаетъ стать христіаниномъ, и насильно къ тому не обязываетъ, обѣщая наоборотъ поступить съ тѣмъ дѣломъ согласно саксонскому праву.

М о р д х о Я н к е л е в и ч ъ, нѣкогда жителъ г. Локаца, отецъ семейства, жена живетъ въ корчмѣ въ Михновѣ. Онъ ни въ чемъ не хотѣлъ сознаться, но говорилъ: „если кагалъ или раввины присягнутъ противъ меня, тогда и я согласенъ вмѣстѣ съ ними принести присягу“. Стать же христіаниномъ онъ не пожелалъ и, какъ Іуда отворачивалъ отъ суда свое проклятое лицо. Онъ тоже просилъ, ради безчестной старости своей, объ уголовной справедливости, на что судъ далъ свое соизволеніе, обѣщая поступить согласно магдебургскому праву.

М о ш к о М а і о р о в и ч ъ, спутникъ (?) упомянутаго шинкаря, ни въ чемъ виновнымъ себя не призналъ и отрицалъ всякое свое участіе въ дѣлѣ, говоря, что не былъ въ ту пору въ корчмѣ. „А если люди на

меня показываютъ и меня оговариваютъ, то они напрасно это дѣлаютъ, ибо я ни о чемъ не знаю".

По выслушаніи дорбовольныхъ показаній невѣрныхъ евреевъ, христіанскихъ мучителей: мирочника михновскихъ мельницъ Зоруха Лейбовича, сына михновскаго арендатора Гершона Хаскелевича, ключника михновскаго арендатора Лейбы Мордховича, отца Лейбы Ключника—Мордхи Янкелевича, и Мошки Маіровича—quondam жителя г. Острожца, судъ communicato... consilio, принявъ въ соображеніе: что Зорухъ Лейбовичъ, мирочникъ названнаго михновскаго арендатора, въ своихъ добровольныхъ показаніяхъ правдиво, хотя и безъ нужной точности, обвинилъ поименованныхъ обвиняемыхъ евреевъ въ убійствѣ невѣдомаго христіанина безъ имени и прозвища, найденнаго въ лозахъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ подробное слѣдствіе и разсказъ самихъ обвиняемыхъ; что обвиняемые невѣрные евреи, не признавая себя виновными, сами отдаютъ себя въ руки палача (для допроса подъ пыткой),—постановилъ:

Мы, Судъ Кременецкой Магдебургіи, основываясь на изложенныхъ показаніяхъ и требованіяхъ саксонскаго права, libro... folio 122, симъ признаемъ обвиняемаго мирочника заслуживающимъ пытки, а именно троекратнаго вращенія на колесѣ; но хотя сіе наказаніе ему слѣдуетъ по смыслу артикуловъ королевскаго права, однако мы, принимая во вниманіе отношеніе обвиняемаго къ христіанской вѣрѣ, отпускаемъ ему таковую кару. Гершона же Хаскелевича, сына михновскаго арендатора, въ виду его нежеланія дать добровольныя показанія, которыя бы дали суду возможность разобраться въ дѣлѣ, постановляемъ tempore diei juditiorum solitorum подвергнуть пыткѣ, именно четырехкратному вращенію на колесѣ, vel in super—поверхъ пятой спицы, и четырехкратному прижиганію свѣчами, согласно праву литовскому. Лейбу Мордховича, шинкаря михновскаго арендатора, повелѣваемъ подвергнуть пыткѣ въ томъ же размѣрѣ, что и Гершона, и той же карѣ подвергнуть Мордху Янкелевича, отца Лейбы-шинкаря, корчмаря на михновскомъ трактѣ,—за то, что они оба обманывали судъ и путались въ своихъ показаніяхъ...; Вообще же дозволяется господамъ судьямъ Кременецкой Магдебургіи подвергать предназначенныхъ къ пыткѣ обвиняемыхъ вздергиваніямъ на колесѣ или прижиганіямъ свѣчами до четырехъ разъ, если въ томъ окажется надобность, о чемъ судъ въ то время съ большимъ основаніемъ сможетъ заключить. Что же касается Мошки Маіоровича, то въ виду того, что онъ оказался неспособнымъ дать добровольныя показанія, судъ освобождаетъ его отъ пытки, оставляя однако за собой право принять относительно него окончательное рѣшеніе послѣ болѣе полнаго выясненія дѣла и поступить съ нимъ, какъ надлежитъ, опираясь на настоящій декретъ о пыткѣ.

Aktum die 20 apr. Въ Заславскомъ замкѣ, въ отведенномъ для сего помѣщеніи, собрался судъ. Еще прежде, чѣмъ приступлено было къ пыткѣ, обвиняемый невѣрный Лейба-шинкарь, сынъ обвиняемаго Мордхи Маіоровича (?), возвращаясь къ добровольнымъ показаніямъ, сдѣлалъ слѣдующее признаніе, и подписался собственноручно по еврейски подъ каждымъ пунктомъ. Ad primum punctum онъ показалъ: „сына михновскаго арендатора, Гершона Хаскелевича уговорилъ дѣйствовать заодно съ нимъ заславскій

кагалъ, а именно кагальный старшина Берекъ Авросевъ (и) кагальный школьникъ Абрамекъ, ключникъ михновскаго арендатора Лейба, арендаторъ Яковъ Покощевскій, сынъ арендатора Берекъ Закрусецкій, арендаторъ изъ Бѣкогрудка Мошекъ, Мошекъ Маіоровичъ, Лейба Мордховичъ, Мордхо Янкелевичъ и, Зорухъ Лейбовичъ, мирочникъ арендатора михновскихъ мельницъ [1]). Этого послѣдняго мы освобождаемъ однако отъ всякой вины, ибо онъ не присутствовалъ при томъ, какъ мы ночью со среды на четвергъ въ корчмѣ, что на михновскомъ трактѣ, всѣ вмѣстѣ убивали человѣка, завязавъ ему глаза и воткнувъ ему въ ротъ . . . . съ веревкой, и вскрывали ножами, гдѣ нужно, жилы, дабы извлечь изъ тѣла кровь. Нацѣдивъ же для насъ полныя бутылки крови, упомянутые кагальные дали и мнѣ въ бутылкѣ немного той крови, которую я во время изготовленія мацы влилъ въ тѣсто, а затѣмъ перемѣсилъ и поставилъ въ печь. Потомъ мы, согласно закону, въ теченіе двухъ ночей ѣли ту мацу; для дневныхъ трапезъ у насъ была другая. А покойнаго Антонія . . . (слово неразборчиво), который пришелъ ко мнѣ безъ сабли, въ одномъ синемъ жупанѣ, въ красной шапкѣ и синихъ брюкахъ, я продержалъ у себя два дня и двѣ ночи; мы отвезли его нагого на дрогахъ въ лозы и тамъ спрятали въ болото, накрывъ стожкомъ. Одежду его—жупанъ, шапку, брюки, поясъ и рубаху, по приказу названныхъ кагальныхъ старшинъ, присланныхъ въ корчму изъ города, Гершонъ бросилъ въ печь и сжегъ. Намъ же подъ угрозой синагогальнаго проклятія было запрещено кому-либо повѣдать о совершенномъ и сказано было „quo casu постигнетъ васъ жестокая кара или даже смертная казнь, все же не признавайтесь и того, что знаете, ни передъ кѣмъ не раскрывайте, и станете вы мучениками за старую вѣру". Въ пятницу Мошко Маіоровичъ верхомъ повезъ въ Заславъ въ мѣшкѣ бутылки съ кровью и тамъ вручилъ ихъ Берку Авросеву, который уже зналъ, кому ихъ слѣдовало передать—именно раввину для совершенія благословенія.

Гершонъ Хаскелевичъ, сынъ Хаскеля—михновскаго арендатора, о которомъ упоминается въ разсказѣ о страшномъ убійствѣ покойнаго Антонія, замученнаго обвиняемыми невѣрными (слѣдуетъ перечисленіе указанныхъ выше лицъ, кромѣ Зоруха Лейбовича),—сообщилъ: „Всѣ они вмѣстѣ со мною, Гершономъ, замучили человѣка въ корчмѣ на михновскомъ трактѣ и изъ онаго, живого еще, точили кровь, вытянувъ жилы ножемъ, а наточенную въ бутылки кровь Мошко Маіоровичъ отвезъ въ Заславъ и передалъ для кагала Берку Авросеву, къ каковой крови причастны были и раввинъ и всѣ кагальные старшины. Оставшаяся кровь была роздана намъ для совершенія законнаго обряда, причемъ подъ угрозой синагогаль-

---

1) Въ этомъ протоколѣ возбуждаютъ недоумѣніе слѣдующія обстоятельства: 1) обвиняемый Лейба-шинкарь въ своемъ показаніи называетъ въ числѣ подстрекателей двухъ Лейбъ—ключника и „Лейбу Мордковича", изъ которыхъ однимъ былъ несомнѣнно онъ самъ; 2) Рядомъ съ Лейбою, сыномъ Мордхи Янкелевича, фигурируетъ тотъ же Лейба, сынъ Мордхи Маіоровича; 3) Къ „заславскому кагалу" причислены не только старшина Берекъ Авросемъ и школьникъ Абрамекъ, но и загородные арендаторы, жившіе въ другихъ селеніяхъ. Трудно объяснить всю эту путаницу одной дефектностью текста или копіи актовъ: очевидно, путаница была и въ самомъ слѣдствіи какъ результатъ небрежности въ веденіи дѣла. *Ред.*

наго проклятія намъ было запрещено кому бы то ни было о томъ разсказывать и строго приказано было умолчать о семъ распоряженіи. Тѣло замученнаго Антонія, съ перевязаннымъ ртомъ и завязанными платкомъ и веревкой глазами, мы вынесли въ лозы, подъ стожками, а одежду его—жупанъ, поясъ, брюки, шапку и рубаху—я, Гершонъ Хаскелевичъ, по приказанію поименованныхъ евреевъ, бросилъ въ огонь и сжегъ. Все это мы сдѣлали, и въ томъ нынѣ сознаюсь".

Мошко Маіоровичъ, подвергнутый жестокой пыткѣ съ прижиганіемъ тѣла раскаленными шинами, сперва ни въ чемъ не хотѣлъ сознаться и только по окончаніи пытки самъ добровольно (!), въ присутствіи своихъ товарищей обвиняемыхъ, показалъ, придерживаясь разсказа Лейбы-Шинкаря и Гершона Хаскелевича, что при томъ убійствѣ присутствовали всѣ обвиняемые евреи. „Я же, Мошко Маіоровичъ, привезъ въ пятницу, верхомъ, кровь въ мѣшечкѣ въ Заславъ и передалъ ее тамъ въ руки Берку Авросеву. Тѣло убитаго въ корчемной избѣ мы понесли въ лозы, подъ стожки, въ болото. При этомъ кагальные, подъ угрозой синагогальнаго проклятія, воспретили каждому изъ насъ выдавать другъ друга, а всѣмъ вмѣстѣ—раскрывать тайну, и строго приказали, чтобы—quo casu станутъ подвергать насъ мукѣ—мы все же тайны никому не открывали. Что же касается мирочника Зоруха Лейбовича, то онъ свободенъ отъ всякой вины, ибо его тамъ не было и я его въ то время не видалъ, а по сему онъ освобождается и отъ пытки и отъ меча".

Мордха Янкелевичъ, отецъ Лейбы Мордховича, несмотря на великую кару, которая должна была закончить его безчестную жизнь, и несмотря на муки на колесѣ и на прижиганіе раскаленными шинами, все же ни въ чемъ не хотѣлъ сознаться. Когда же по окончаніи пытки сынъ его Лейба-шинкарь сказалъ ему въ глаза: „отецъ, и ты былъ въ дѣлѣ убійства покойнаго Антонія",—то онъ, продолжая во всемъ запираться, опустилъ долу глаза, какъ озлобленный звѣрь, и сталъ путаться въ своихъ словахъ. Въ виду этого, надлежитъ вторично подвергнуть его пыткѣ ради большей успѣшности судебнаго разбирательства.

Герцъ Маіоровичъ, подростокъ, родомъ изъ Пшеорска, служка бейсъ-медреша—малой синагоги, принадлежащей кагалу; мать его живетъ у затя. Его наняли за три тынфа, обѣщавъ къ тому же возвратить заложенную имъ... шкатулку, и поручили подслушать, какъ будетъ показывать Гершонъ Хаскелевичъ. „Берекъ Авросевъ и старый Евна послали меня послушать, кого будетъ оговаривать Гершонъ Хаскелевичъ". Судъ постановилъ отложить также до позднѣйшаго разсмотрѣнія и дѣло этого еврейчика.

Actum die 21 apr. 1747 an. Въ публичное засѣданіе суда явился тотъ же невѣрный Герцъ Маіоровичъ, родомъ изъ Пшеорска, нынѣ проживающій въ Заславѣ, служка бейсъ-медреша—малой синагоги заславскихъ евреевъ. Судъ повелѣлъ ему повторить слово въ слово то, что онъ говорилъ наканунѣ, а именно—кто посылалъ его подслушивать показанія Гершона Хаскелевича, и какимъ образомъ велѣно ему подступить къ тому мѣсту, гдѣ пытали Гершона. На что тотъ возразилъ, скрѣпивъ каждый пунктъ своею подписью по-еврейски, что его послали Берекъ Авросевъ и старый Евна. „Они уговорили меня пойти подслушать, что будутъ говорить и на кого пока-

зывать пытаемые въ арестѣ евреи, обѣщая вернуть мнѣ шкатулку, а Берекъ Авросевъ сверхъ того далъ мнѣ три тынфа. Евна вручилъ мнѣ при этомъ „лулевъ“, alias пять вѣтокъ морского тростника, но безъ райскаго яблока, и повелѣлъ мнѣ подкинуть тотъ „лулевъ“ по дорогѣ, по которой поведутъ евреевъ, по одной вѣткѣ для каждаго изъ пяти евреевъ, и запретилъ кому бы то ни было о томъ разсказывать, обѣщая меня зато наградить, ибо старый Евна считается старшимъ въ малой синагогѣ и пользуется большимъ почетомъ въ кагалѣ и у раввина, такъ что на все, что онъ скажетъ, согласится и самъ раввинъ“.

Die eadem приведенъ былъ въ судъ невѣрный Берекъ Абрамовичъ, по прозвищу Авросевъ, кагальный старшина, обвиненный невѣрнымъ Гершономъ Хаскелевичемъ, Мошкомъ Абрамовичемъ alias Маіоровичемъ, Лейбой Мордховичемъ, Мордхой Янкелевичемъ и присутствующимъ въ судѣ натуральнымъ обвинителемъ— Зорухомъ. Передъ лицомъ всего магистрата Кременецкой Магдебургіи Берекъ показалъ: „Я не посылалъ никуда подслушивать кагальнаго служки, денегъ ему не давалъ и не обязывалъ ни къ чему; я велѣлъ ему лишь поставить въ „куну“ одного кагальнаго, а самому отправиться къ ясновельможному пану губернатору; къ заключеннымъ же я его не посылалъ“. Однако приведенной на очную ставку Герцъ Маіоровичъ, кагальный служка, сказалъ Берку Авросеву въ глаза, что не кто иной, а именно онъ далъ ему три тынфа, а былъ при этомъ старшина Евна, и оба послали его подслушивать. „И далъ мнѣ старый Евна „лулевъ“, приказывая подстерегать, какимъ путемъ поведутъ евреевъ на муку, и разбрасывать по тому пути вѣтки. Теперь же, когда меня поймали, я долженъ обо всемъ разсказать“. На все это Берекъ ничего не возразилъ, но сказалъ, что полагается на судъ и проситъ для себя приговора; что же касается убійства христіанина и проливанія или храненія его крови, то онъ ни въ чемъ не сознался и лишь вторично просилъ судебнаго разбирательства. Такимъ образомъ судъ не добился отъ онаго Берка никакихъ нужныхъ свѣдѣній, но оставилъ за собой право снова его допрашивать и тогда принять относительно него должное рѣшеніе.

[Судъ допросилъ далѣе школьника стараго города, Абрамка Ароновича, который однако виновнымъ себя не призналъ. Въ томъ же засѣданіи (21 апр.) подростокъ Герцъ Маіоровичъ приговоренъ былъ къ изгнанію изъ города].

Происходило сіе въ Заславѣ die 23 apr. 1747 an. Добровольныя (!) показанія Гершона Хаскелевича, данныя послѣ пытки. Послѣ многократныхъ предложеній суда разсказать все слово въ слово, обвиняемый ad primum punctum показалъ, что его никто не уговаривалъ убивать. „Я былъ занятъ нагрузкой горѣлки въ панскомъ погребѣ въ Покощовкѣ. Тутъ ко мнѣ обратился тамошній арендаторъ Яковъ со словами: ты по какому-то дѣлу нуженъ Мошеку изъ Бѣлогрудка, приходи въ Захалихскую корчму, я тоже тамъ буду. Мы условились на опредѣленный день. Вечеромъ я сѣлъ на подводу и поѣхалъ въ Михново. Когда я пріѣхалъ домой, отецъ спросилъ, зачѣмъ я пріѣхалъ, на что я отвѣтилъ, что хочу отдохнуть. Послѣ ужина, поздно ночью, когда мы уже собирались спать, пріѣхали на своихъ лошадяхъ Берекъ Авросевъ и заславскій школьникъ Абрамекъ и просили выве-

сти ихъ на дорогу, ведущую въ Бѣлогрудекъ. Такъ какъ и мнѣ нужно было туда же, то я сѣлъ къ нимъ на возъ. Такъ мы и пріѣхали въ Захалихскую корчму, гдѣ застали закрусецкаго арендатора Берка, арендатора изъ Бѣлогрудка Мошека, Якова изъ Покощова, Лейбу ключника, Мошека Маіоровича, Лейбу Мордховича и Мордху Янкелевича. Тамъ мы по приказанію Берка школьника (?) и другихъ присягнули на Библіи соблюдать тайну Зоруха я тамъ не видѣлъ. По принесеніи присяги Яковъ изъ Покощова и Берекъ изъ Закрусецка подошли къ пьяному человѣку, закрыли ему глаза и ротъ брюками и перевязали веревкой; послѣ чего тѣ же арендаторы ударили его нѣсколько разъ обухомъ и сѣкирой. Тогда Мошекъ изъ Бѣлогрудка, Берекъ Авросевъ и Абрамекъ-школьникъ начали вскрывать жилы на рукахъ покойнаго, а Мошекъ (?) Янкелевичъ пырнулъ его ножомъ въ рану и подставилъ миску подъ кровь. Другіе пороли жилы на ногахъ, а я Гершонъ, содралъ ногти съ двухъ пальцевъ на лѣвой ногѣ; то же дѣлали и остальные. Кровь изъ мисокъ розлили въ бутылки, а покойнаго мы положили на возъ, отвезли въ лозы и спрятали подъ стожкаки. Кровь была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: Яковъ съ Мошекомъ взяли одну бутылку, Берекъ-школьникъ—другую, третью взялъ арендаторъ изъ Бѣлогрудка, а оставшуюся кровь Яковъ изъ Покоцова послалъ черезъ своего шурина Мошека Маіоровича въ Заславъ для передачи Берку Авросеву. Въ тотъ же вечеръ я, Гершонъ, поѣхалъ въ Покощовъ, а остальные тоже разъѣхались по домамъ. Что же касается одежды, то мнѣ не извѣстно, кто ее сжегалъ".

[Мошко Маіоровичъ, подтвердивъ фактъ и обстановку убійства переданные Гершономъ Хаскелевичемъ, приводитъ однако подробности, противорѣчащія разсказу послѣдняго: „Первыми пріѣхали Гершонъ Хаскелевичъ, Берекъ Авросевъ, Лейба ключникъ и Абрамекъ-школьникъ. Ключникъ сбѣгалъ въ Бѣлогрудекъ за арендаторомъ Мошекомъ, въ Покощовку за арендаторомъ Яковомъ и въ Закрусецъ за арендаторомъ Беркомъ". Показаніе Лейбы Мордховича тоже изложено по варіанту Хаскелевича; самъ Лейба старается умалить значеніе своего личнаго участія въ дѣлѣ. Когда собравшіеся въ корчмѣ стали мучить христіанина, Лейба обратился къ нимъ со словами: „почему вы это дѣлаете?"—на что тѣ возразили: „а тебѣ что за дѣло? мы богаче тебя, и если что нибудь случится, мы заплатимъ". „Я испугался и вышелъ изъ избы". И далѣе: „я такъ думаю, что дѣло не обошлось безъ раввина, ибо раввинъ долженъ ту кровь благословить; я же не настолько начитанъ въ Талмудѣ, чтобы знать, что съ той кровью станутъ дѣлать". „Для меня была тоже оставлена бутылочка съ кровью, но если бы я отказался ее взять, то евреи бы меня убили; а потому я ту кровь взялъ и закопалъ въ землю, дабы она не пролилась; самъ же я ѣлъ мацу съ другой кровью въ Михновѣ, гдѣ я провелъ праздники"].

Мордха Маіороровичъ, отецъ шинкаря Лейбы былъ послѣ пытокъ многократно допрошенъ о совершенномъ убійствѣ, но ни въ чемъ не сознался, за что этотъ невѣрный былъ сегодня же, die 24 apr. 1747 an., посаженъ живымъ на колъ [1]).

[1]) Эта личность фигурирующая въ качествѣ отца Лейбы-шинкаря, является странымъ двойникомъ Мордхи Янкелевича, подвергается какъ бы от-

[26 апрѣля 1747 г. въ судебномъ засѣданіи, происходившемъ въ зданіи Заславскаго замка, еще разъ допрошены были всѣ обвиняемые. Послѣ этого судъ, на основаніи добровольныхъ и данныхъ подъ пыткой показаній обвиняемыхъ, показаній „натуральнаго обвинителя" Зоруха Лейбовича и произведеннаго околичными людьми осмотра тѣла убитаго,—постановилъ слѣдующій приговоръ].

1) Въ виду того, что Мордха Янкелевичъ ни въ чемъ сознаться не хотѣлъ, стоялъ передъ судомъ, опустивъ свои безчестные глаза, и давалъ неясныя показанія, повидимому надѣясь стать въ своей синагогѣ чистымъ и праведнымъ мученикомъ,—слѣдовало бы его наказать согласно пространнымъ предписаніямъ Магдербургскаго и согласнаго съ нимъ Саксонскаго права; но судъ освобождаетъ его отъ таковаго наказанія. Однако за пролитіе христіанской крови онъ, въ силу сего декрета, долженъ быть палачомъ Кременецкой магдебургіи посаженъ живымъ на колъ и оставаться на томъ колѣ до тѣхъ поръ, пока птицы не съѣдятъ его тѣла и не распадутся его безчестныя кости. А кто бы изъ евреевъ или подкупленныхъ христіанъ или чужихъ людей самъ осмѣлился или другому приказалъ спрятать его тѣло или кости и предать ихъ погребенію на кладбище или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, тотъ будетъ подвергнутъ той же карѣ.

2) Такъ какъ Гершонъ Хаскелевичъ сознался подъ пыткой въ совершеніи убійства [слѣдуютъ вышеизложенныя подробности убійства] и заявилъ объ этомъ въ глаза Мошеку Маіоровичу, причемъ оба добровольно сошлись на одномъ и томъ же описаніи, нисколько другъ другу не противорѣча, то судъ симъ декретомъ повелѣваетъ палачу содрать съ Гершона Хаскелевича живого четыре полосы кожи, вынуть изъ груди его сердце и, разрѣзавъ таковое на четыре части, прибить каждую изъ нихъ гвоздями къ столбамъ и столбы эти разставить вокругъ города съ четырехъ сторонъ; голову же посадить на колъ и обмотать внутренности вокругъ столба висѣлицы. Все это должно висѣть до тѣхъ поръ, пока не будетъ съѣдено птицами. Костей же его никто трогать не долженъ. А кто бы осмѣлился предать ихъ погребенію, тотъ будетъ той же смертью казненъ.

3) Относительно Мошека Маіоровича [слѣдуетъ передача его вышеприведеннаго показанія] повелѣваемъ, чтобы палачъ отрубилъ ему живому ноги и руки по локоть, а туловище вмѣстѣ съ головой всадилъ на колъ; отсѣченныя же руки и ноги повелѣваемъ прибить къ висѣлицѣ желѣзными гвоздями. Все это дѣлается ему за то, что онъ продавалъ и разливалъ („szenkowal") христіанскую кровь. А кто осмѣлится снять съ кола или висѣлицы туловище или руки и ноги, тотъ будетъ подвергнутъ той же казни.

4) Шинкарь Лейба Мордховичъ, въ виду того, что убійство совершено въ его корчмѣ, что онъ былъ вдохновителемъ и соучастникомъ этого дѣла, что онъ осмѣлился задержать на нѣсколько дней покойнаго въ своей корчмѣ, соблазняя его ѣдой и питьемъ, а подъ конецъ его жизни привелъ въ состояніе опьяненія въ присутствіи евреевъ Заславскаго кагала,—долженъ былъ бы быть наказанъ за

дѣльному допросу и даже сепаратной казни, до общаго приговора надъ прочими подсудимыми. Не является-ли и этотъ эпизодъ результатомъ безтолковости судопроизводства или судебнаго отчета?—Ред.

таковое убійство согласно магдебургскому праву, а именно—слѣдовало бы рвать его тѣло раскаленными щипцами, вынуть глаза и, вырвавъ языкъ, пригвоздить его къ столбу. Судъ однако освобождаетъ его отъ такого наказанія и взамѣнъ сего повелѣваетъ содрать съ него двѣ полосы кожи, послѣ чего четвертовать, голову посадить на колъ и обмотать внутренности вокругъ висѣлицы. [Повторяется запрещеніе снимать тѣло].

5) Что же касается Зоруха Лейбовича, натуральнаго обвинителя прочихъ обвиняемыхъ, то судъ не имѣетъ доказательствъ того, чтобы онъ въ томъ убійствѣ принималъ участіе или чтобы былъ на оное способенъ Другіе же обвиняемые не только на него не показываютъ, но наоборотъ освобождаютъ его отъ всякой вины. Въ виду чего судъ, склоняясь къ свидѣтельству тѣхъ обвиняемыхъ, освобождаетъ его отъ наказанія. Если же онъ (не ?) пожелаетъ принять католическую вѣру, то судъ поступитъ съ нимъ согласно требованіямъ закона, опираясь на настоящее судебное рѣшеніе".

* *
*

Механизмъ заславскаго процесса напоминаетъ въ общихъ своихъ чертахъ большинство подобныхъ процессовъ того времени. Въ основу обвиненія положено нелѣпое народное повѣріе, по которому трупъ убитаго начинаетъ истекать кровью, когда къ нему приближается убійца. На помощь инсценизаторамъ процесса, кромѣ этого невѣжественнаго повѣрья, является услужливый предатель, „натуральный обвинитель", „давно уже мечтавшій о счастье стать католикомъ" и „случайно" имѣющій къ тому же кой-какіе незаконченные денежные счеты со своими единовѣрцами. „Ratione своего отношенія къ католической вѣрѣ" этотъ „инстигаторъ" освобождается отъ допроса подъ пыткой. Желая платить услугой за услугу, судъ очевидно вынуждаетъ обвиняемыхъ засвидѣтельствовать непричастность доносчика къ убійству, чтобы затѣмъ, „склоняясь къ свидѣтельству тѣхъ обвиняемыхъ", освободить его отъ отвѣтственности.

По отношенію къ остальнымъ обвиняемымъ судебная процедура отличается большей простотой. Когда обвиняемые поголовно отказались признать за собой какую бы то ни было вину, ихъ подвергаютъ, и притомъ неоднократно, „жестокой" (по свидѣтельству самого суда) пыткѣ. Послѣ этого обвиняемые, за исключеніемъ одного, „добровольно" сознаются въ убійствѣ. Во всѣхъ показаніяхъ изложена съ небольшими уклоненіями одна и та же, повидимому продиктованная, версія. Противорѣчія между подробностями отдѣльныхъ разсказовъ и несообразности въ самомъ основномъ разсказѣ не вызываютъ въ судьяхъ никакихъ сомнѣній. Достаточно указать хотя бы на такой абсурдъ: въ однородныхъ, вынужденныхъ пыткою, показаніяхъ обвиняемыхъ говорится, что при убійствѣ въ корчмѣ присутствовали всѣ оговореные евреи, въ томъ числѣ и заславскій кагальный старшина Берекъ Авросевъ; а между тѣмъ обвиняемый Мошко Маіоровичъ возитъ верхомъ на лошади въ Заславъ бутылки съ кровью этому же Авросеву, которому гораздо проще было бы вручить эти бутылки тутъ же въ корчмѣ, какъ лицу, якобы принимавшему участіе въ убійствѣ. Если къ этому прибавить крайнюю путаницу въ спискахъ именъ обвиняемыхъ и вообще въ протоколахъ слѣдствія, мы получимъ картину первобытнаго судебнаго хаоса.

Наряду съ такой аляповатостью мы видимъ, однако, и тщательность „отдѣлки". При осмотрѣ трупа обнаружено отсутствіе двухъ ногтей на лѣвой ногѣ. И вотъ Гершонъ Хаскелевичъ, послѣ пытки, „добровольно" показываетъ, что онъ именно эти два ногтя содралъ съ ногъ покойнаго.

Эта картина „судебнаго слѣдствія" увѣнчана, даже по тогдашнимъ временамъ, страшнымъ по своей утонченной жестокости приговоромъ. Какъ бы издѣваясь надъ своими жертвами, судъ „отпускаетъ" имъ кару по одному „праву" съ тѣмъ, чтобы приговорить ихъ по другому „праву" къ посаженію живыми на колъ, къ сдиранію полосъ кожи или четвертованію. Однимъ подсудимымъ наказаніе увеличивается за упорное отрицаніе вины, другимъ—за „чистосердечное" признаніе. Зато вездѣ имѣются ссылки на законы, иногда даже съ точнымъ указаніемъ тома и страницы.

Существенный коррективъ къ оффиціальному источнику даютъ свѣдѣнія изъ еврейскихъ источниковъ, подчерпнутыя главнымъ образомъ изъ народныхъ преданій. Собранныя на мѣстѣ свѣдѣнія, изложенныя въ вышеупомянутой статьѣ г. Канторщика, представляютъ дѣло въ слѣдующцмъ видѣ. Въ концѣ зимы 1747 г., когда снѣгъ сталъ таять, по дорогѣ изъ Заслава въ Бѣлогрудекъ найденъ былъ трупъ христіанина, долго лежавшій подъ снѣгомъ. Одинъ крестьянинъ разсказывалъ, что однажды вечеромъ въ близлежащую еврейскую корчму съѣхалось много евреевъ, которые тамъ переночевали. Во всю эту ночь въ корчмѣ было свѣтло и шумно. Утромъ ночевавшіе тамъ евреи, облаченные въ талесы, молились, затѣмъ ѣли, пили, веселились, и наконецъ уѣхали обратно въ Заславъ. Такъ какъ дѣло происходило незадолго до еврейской Пасхи, администрація владѣльца города Заслава, князя Сангушко, и монахи-бернардинцы заподозрили евреевъ, что они устроили торжество въ корчмѣ по случаю ритуальнаго убійства христіанина. Корчмарь-еврей немедленно былъ арестованъ. На предложенный ему вопросъ: кто присутствовалъ въ его домѣ въ ночь, когда къ нему съѣхались гости,—онъ указалъ на мѣстнаго раввина, кантора, могела (совершающій обрядъ обрѣзанія), синагогальнаго служку и на одного изъ своихъ родственниковъ. Въ квартирѣ моей, говорилъ корчмарь, кровь дѣйствительно была пролита, но эта кровь не христіанина, а моего новорожденнаго мальчика, надъ которымъ въ тотъ день совершенъ былъ обрядъ обрѣзанія; по этому случаю устроена была и пирушка, о которой разсказывалъ крестьянинъ.

Несмотрая на это, всѣ указанные кочмаремъ евреи (за исключеніемъ раввина, бѣжавшаго въ меджибожъ, во владѣніи князя Чарторыжскаго), были заключены подъ стражу и подвергнуты неоднократнымъ, невѣроятнымъ по своей жестокости пыткамъ. Отъ всѣхъ требовали сознанія въ несовершенномъ тяжкомъ преступленіи, но вынудить сознаніе не удалось. Правда, рабби Мойше бенъ-Шоломъ, которому тогда было 23 года, что избавиться отъ ужасныхъ истязаній, началъ бормотать, что онъ якобы видѣлъ, какъ убивали христіанина и какъ наполняли сосудъ извлеченной изъ тѣла убиваемаго кровью; но даже присутствовавшіе при этомъ ксендзы убѣдились, что только подъ вліяніемъ невыносимыхъ страданій р. Мойше давалъ свои показанія, полныя путаницы и противорѣчій. Святой Мордехай бенъ-Яковъ сильно укорялъ малодушнаго за это ложное

показаніе противъ своихъ собратьевъ: „вѣдь все равно тебя не пощадятъ! стоитъ-ли промѣнять жизнь вѣчную на временную?“ Тогда рабби Мойше заявилъ, что только подъ тяжестью невыносимыхъ страданій и въ надеждѣ отъ нихъ избавиться онъ оговорилъ своихъ единовѣрцевъ.

Всѣхъ пятерыхъ заключенныхъ присудили къ разнымъ казнямъ. Однихъ четвертовали, другихъ сажали на колъ, а рабби Мойше отрубили голову. Четыре мученика съ восторгомъ приняли лютую смерть. Только синагогальный служка, человѣкъ крайне невѣжественный, не устоялъ: онъ отрекся отъ вѣры отцовъ, надѣясь спасти свою жизнь. Однако надежды его не оправдались: его все таки приговороли къ смертной казни. Когда его вели на казнь, онъ сильно ругалъ священника и все время читалъ молитву „Слушай, Израиль“. Евреи боялись похоронить его на еврейскомъ кладбищѣ, какъ принявшаго крещеніе; но ему не давали мѣста и на христіанскомъ кладбищѣ. Онъ былъ похороненъ за оградой еврейскаго кладбища, и христіане поставили крестъ надъ его могилой.

Разсказываютъ, что мать рабби Мойше бенъ-Шолома, узнавъ, что сынъ ея умеръ мученикомъ за вѣру, запрыгала отъ радости, приговаривая: блаженна мать, родившая такого сына!

Легенда разсказываетъ, что князь Сангушко долгое время мучился угрызеніями совѣсти: тѣни замученныхъ евреевъ днемъ и ночью его преслѣдовали. Проѣзжая по еврейскимъ улицамъ, онъ страшнымъ голосомъ вопилъ: прочь, прочь, жертвы мои! Перестаньте гнѣваться! Однажды одна изъ еврейскихъ общинъ въ его владѣніяхъ жаловалась князю, что управляющій его отказывается отвести имъ мѣсто подъ кладбище. Сангушко приказалъ немедленно исполнить просьбу евреевъ, такъ какъ боится возстановить противъ себя еврейскихъ мертвецовъ, давно уже лишившихъ его душевнаго спокойствія.

Въ заключеніе приводимъ текстъ заупокойной молитвы о заславскихъ мученикахъ, читавшейся ежегодно въ день 17 Іяра. Она написана на пергаментѣ и въ 1892 г. еще висѣла не стѣнѣ старой синагоги въ Заславѣ:

נוסח האזכרה לנשמות קדושי זסלב שמזכירים בכל שנה ביום י״ז אייר:

„אל מלא רחמים שוכן במרומים המציא מנוחה נכונה למעלה מכנפי השכינה במעלות קדושים וטהורים כזהר הרקיע מזהירים את נשמות הקדושים והטהורים אשר יחדיו הוטלו לטבח כנדיים וטלאים, איש את אחיו יעזרו לקבל עליהם באהבה וחדוה דין שוכן מרומים על קידוש שם המיוחד, נאספו נפשם מהם באבחת חרב ומהם על יתדות ברזל ועמודים מנותחים. כל פנים פארור וכל ראש קרחה וכל זקן גדועה בראש כל חיצות נבלתם כסוחים, וכל הרואים ושומעים לבם נשברים ונאנחים. ובראשם הקדוש מהו׳ מרדכי במ יעקב אשר בפתותו להחליף אמונתו מאן ימאן מלהזכיר ובראשו נע ונד ולה נתן כבוד; ואחריו הקדוש מהו׳ דוב בער במהו׳ אברהם אשר כידע כי נגזרה, צוואת פתקין כתב בהנהגה ישרה ובצאתו להריגה הלך בשמחה כשמחת חופת בנו ומכר נפשו ורוחו לאל הדר בשחק נהורא; ואחריו הקדוש מוה׳ משה אברהם במהו׳ אהרן אשר היה נשמע קולו שחר ונשף פני דר מעון בתפלה ותחנה ומשרת בקדש פנימה, ומסר נפשו ורוחו בנעימה;

ואחריו הקדוש מהו׳ משה במהו׳ שלום אשר הלך ירך בלב שמח ועין מקלח בבכי זולג דמעות על האי שופרא דיבלי בעפרא מאס בחיי עוה״ז וקדש אר השם באהבה רבה וחדוה וצוה לכרדיוט מיתתו למהרה; ואחריו הקדוש מהו, ישכר דוב במהו׳ שמעיה. ארץ אל תכסה דמם ואל יהי מקום לזעקתם עד שישקיף וירא ה׳ מהשמים, ובצרור החיים בגנזי מרומים במעלת ר׳ עקיבא וחבריו תהא צרורה נשמתם, ה׳ הוא נחלתם, ובזכותם ובזכות שאר קדושי עֶליון יעלו ישראל לארץ אחוזם, וישבו על אדמתם בהשקט ושאנן בשלותם ויענו ויאמרו כולא צבורא אמן״.

(Сжатый переводъ заупокойной молитвы. „Боже всемилосердный, сущій въ небесахъ! Дай безмятежный покой и прими подъ сѣнь Твоей обители, въ ряды святыхъ,... души праведныхъ и чистыхъ, которыхъ повели на закланье, какъ козлятъ и ягнятъ. Съ радостью и любовью они другъ друга поощряли принять ниспосланное имъ испытаніе. Ради освященія имени Единаго одни изъ нихъ погибли отъ меча, другіе на кольяхъ желѣзныхъ... Всѣ видѣвшіе и слышавшіе это съ сокрушеннымъ сердцемъ стонали. Во главѣ всѣхъ (мучениковъ) стоялъ святой рабби Мордхай бенъ-Яковъ. Сооблазняли его измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ, но онъ рѣшительно отвергъ это и имя Бога освятилъ. За нимъ слѣдуетъ святой Беръ бенъ-Авраамъ. Узнавъ, что предписано ему, онъ на клочкѣ бумаги завѣщаніе написалъ о добромъ поведеніи. Ведомый на казнь, онъ ликовалъ, какъ будто бы шелъ на вѣнчаніе своего сына, и отдалъ Богу свой духъ и свое тѣло. За нимъ слѣдуетъ Мойше-Авраамъ бенъ-Аронъ, голосъ котораго раздавался на разсвѣтѣ и въ сумеркахъ въ обители Божіей, въ молитвѣ и мольбѣ, какъ служителя святыни... За нимъ святой Мойше бенъ-Шоломъ. Радостно шелъ онъ на казнь, а изъ глазъ ручьемъ лились слезы объ этой красѣ, обреченной на гніеніе въ землѣ. Земныя блага отвергъ онъ, радостно освятивъ имя Бога. Палачу приказалъ онъ ускорить его смерть. За нимъ—святой р. Исахаръ-Довъ бенъ Шемая. Земля! не прикрывай крови этихъ мучениковъ. Пускай не умолкнетъ вопль ихъ, пока Господь съ высоты небесъ не взглянетъ. Пусть души ихъ завязаны будутъ въ узлѣ жизни, въ небесныхъ хранилищахъ, рядомъ съ рабби Акибой и его товарищами. Господь ихъ удѣлъ. За ихъ заслуги и заслуги прочихъ святыхъ да вернетъ Господь Израиля въ его обѣтованную землю,—да живутъ спокойно и безмятежно въ странѣ своей. Аминь!)

Слѣдуетъ замѣтить, что имена мучениковъ во многомъ не совпадаютъ въ заупокойной молитвѣ и вышеприведенномъ приговорѣ суда по кіевскому акту. Въ молитвѣ упомянуты нѣкоторыя изъ именъ обвиняемыхъ, имѣющіяся въ протоколахъ слѣдствія, но не фигурирующія въ судебномъ приговорѣ. Нужно поэтому допустить, что кромѣ четырехъ лицъ, казненныхъ по указанному приговору, была казнена еще группа обвиняемыхъ, причемъ въ заупокойной молитвѣ отмѣчены имена тѣхъ, которые были похоронены въ Заславѣ (въ молитвѣ записано пять именъ, а въ надгробныхъ надписяхъ—четыре). Эти имена суть: 1) Мордхо бенъ-Яковъ, упоминяемый въ судебномъ приговорѣ подъ именемъ „Мордхи Янкелевича; 2) Довъ-Беръ-Бенъ-Авраамъ, несомнѣнно тождественный съ „Березомъ

Абрамовичемъ Авросевымъ“ (кагальнымъ старшиною) въ протоколахъ слѣдствія; 3) Мойше-Авраамъ бенъ-Аронъ—это, „Абрамекъ Ароновичъ-школьникъ“ обвинительнаго акта (изъ молитвы видно, что онъ былъ канторомъ); 4) Мойше бенъ-Шоломъ—„Мошко Маіоровичъ“ обвинительнаго акта; 5) только личность Исахаръ-Дова бенъ Шемая въ молитвѣ не имѣетъ себѣ коррелатива въ спискахъ слѣдственнаго производства, гдѣ вслѣдствіе дефектности текста многія имена явно искажены или разно пишутся въ различныхъ мѣстахъ.

И. Галантъ.

